

Гу Цзицин возвращался на родину. Два года учебы в Австралии остались позади. Уже перед самой посадкой, стоя у гейта, он решил отправить сообщения старым друзьям.

В список получателей сразу полетели Фэйфань, Линь-да и Линь-эр. Помешкав секунду, он добавил в строку еще одного адресата. Короткий текст — проще некуда: «Я возвращаюсь».

Палец коснулся экрана. Телефон полетел в карман, а сам Цзицин шагнул на трап.

Перелет прошел гладко. Уже при снижении Цзицин поймал себя на глупой мысли: случись сейчас крушение, как бы отреагировали те, кто получил его последнее сообщение? Он хмыкнул и покачал головой, прогоняя дурацкое наваждение.

Шагая к выходу из терминала и на ходу волоча за собой чемодан, Цзицин включил телефон. Аппарат разразился бодрой трелью уведомлений. Пришло три сообщения. Он открыл их по очереди.

— Во сколько рейс? — деловито интересовался Фэйфань.

Линь-да, как всегда, паясничал:

— Родные просторы цветут и пахнут, общество преисполнено гармонии и высокой морали, и надо же было какому-то заморскому чудищу припереться именно сейчас? Искупи свой грех перед народом, изверг, изыди!

Линь-эр, верный себе, прислал лишь лаконичное:

— Ясно.

Цзицин невольно улыбнулся. Он пролистнул экран вниз. Больше ничего. Ни единой строчки от того самого, четвертого. Он помедлил, глядя на темный дисплей, а затем убрал телефон в карман с безучастным видом, словно ничего и не ждал.

У самого выхода из аэропорта его окликнули. Цзицин вскинул голову и улыбнулся. Заметив знакомую фигуру, он ускорил шаг и крепко обнял друга.

— Всё-таки ты у нас самый заботливый, Фэйфань, — Цзицин чуть склонил голову набок, разглядывая Му Фэйфаня с ироничной усмешкой. — Я ведь специально не написал, каким рейсом лечу. Как ты меня вычислил?

— Зная твой невыносимый характер, было нетрудно догадаться, что ты отправишь сообщение перед самым взлетом, — фыркнул Фэйфань, перехватывая у него ручку тяжелого чемодана. — А прямых рейсов из Австралии сегодня раз-два и обчелся. Разве для меня это проблема?

— Жилье-то нашел? — спросил Фэйфань на ходу.

— Да, я еще до отлета списался с Университетом S. Руководство одобрило мою кандидатуру, так что буду преподавать. И комнату в преподавательском общежитии уже выделили.

Они остановились у сверкающего белого «Порше». Цзицин удивленно приподнял брови.

— Ого. Неплохо устроился. Еще даже докторскую не защитил, а уже на таких колесах рассекаешь?

— Машина не моя, — смутился Фэйфань.

Прежде чем он успел спросить, чья же она, дверца спорткара распахнулась. Из салона лениво выбрался парень лет двадцати трех. Назвать его дурнушкой язык бы не повернулся: смазливый, одет с иголочки — сразу видно, сынок из обеспеченной семьи. Он вызывающе усмехался.

— Любимый, так ради этого красавчика ты заставил меня гнать сюда на всех парах? — Цзян Му привалился к капоту и окинул Цзицина оценивающим взглядом.

Фэйфань недовольно поморщился и сухо бросил:

— Погрузи багаж.

Вся вальяжность с Цзян Му слетела в ту же секунду. Словно послушный пес, он подскочил к вещам, подхватил чемодан и поволок его к багажнику.

Когда все уселись в салон, Фэйфань наконец повернулся к Цзицину:

— Это Цзян Му, мой парень. Он тоже учится у старика Яна, так что, считай, наш младший соученик. — Фэйфань кивнул водителю и посмотрел на него. — А это Цзицин, мой близкий друг и старший соученик, на два курса раньше нас выпускался. Только что из Австралии.

Цзицин посмотрел на затылок Цзян Му через зеркало заднего вида. Он ядовито усмехнулся.

— И давно вы... спелись? Что-то я ни разу о нем не слышал.

Фэйфань на мгновение замялся, но все же ответил честно:

— Больше года уже.

— Надо же, какой солидный срок, — хмыкнул Цзицин. — И когда планируете расставаться?

Шины дорогого спорткара взвизгнули, когда Цзян Му резко ударил по тормозам. Машину качнуло. Он обернулся, глядя с ледяным презрением.

— Дорогой, пересядь-ка вперед, — процедил он, обращаясь к Фэйфаню.

Фэйфань растерянно переводил взгляд с одного на другого. Машина замерла прямо посреди оживленной дороги, и сзади тут же начали яростно сигналить. Фэйфаню ничего не оставалось, кроме как вздохнуть и пересест на переднее сиденье.

— Что за детские капризы? — тихо упрекнул он своего спутника.

Цзян Му лишь раздраженно хмыкнул и снова выжал педаль газа.

С заднего сиденья донесся приглушенный смешок Цзицина. Он заговорил негромко, будто обращаясь к самому себе:

— Все эти сказки про вечную любовь... Глупости. В нашем кругу любые чувства — лишь временная интрижка. Поиграют и разбегутся.

— Цзицин! — резко оборвал его Фэйфань.

Внутри у него закипало недоумение. Что за муха укусила этого парня? Едва ступил на родную землю, а ядом брызжет так, словно его по дороге покусали.

Они доехали до кампуса. Цзян Му, несмотря на явное недовольство, все же помог уладить бумажные формальности при заселении и молча перетаскал тяжелые чемоданы в новое жилище. Каждое его движение так и лучилось крайним раздражением, но он терпел.

Когда все вещи наконец оказались на своих местах, Фэйфань собрался уходить.

— Вечером отметим твое возвращение. В половину восьмого на нашем месте.

— А смысл? — Цзицин лениво улыбнулся. — Честно говоря, неохота никуда идти.

— Дело твое, — усмехнулся Фэйфань. — Но Старший соученик Линь и Линь-эр точно будут. Если не хочешь никого видеть, мы и без тебя неплохо посидим.

Цзицин устало потер переносицу и сдался:

— Приду. Куда я денусь.

— Заехать за тобой? — спросил Фэйфань, зная, что своей машиной друг обзавестись еще не успел.

— Избавь меня от такой заботы, — Цзицин постучал кончиком мизинца по столу, состроив ехидную гримасу. — А то твой ревнивый щенок от злости лопнет.

— Цзян Му на самом деле очень покладистый, так что прекрати цепляться к нему, — Фэйфань взял своего парня за руку и потянул к выходу.

Цзицин посмотрел на закрывшуюся дверь. Он горько усмехнулся.

«Когда люди влюблены, они готовы расшибиться друг ради друга, — тихо подумал он. — Но надолго ли их хватает?»

Он стянул через голову рубашку, швырнул её на стул и отправился в душ.

Условия в преподавательском крыле оказались отличными. Комната больше походила на небольшую уютную студию: тесноватая, но со всеми удобствами, круглосуточной горячей водой и полным комплектом мебели. Раскидать вещи по полкам — и живи себе в удовольствие.

После душа Цзицин рухнул на кровать и мгновенно провалился в тяжелый, тревожный сон. Перед глазами поплыли зыбкие образы далекого прошлого. Ему снова было шестнадцать.

По пыльной дороге из школы они шли вдвоем. Юный Цзицин, сияя улыбкой, заглядывал в лицо идущему рядом парню:

— Слушай, А-Инь, поговаривают, ты в кого-то втрескался? Что-то я не замечал, чтобы ты увивался за девчонками.

Цяо Инь лишь молча мазнул по нему взглядом и прибавил шаг.

Цзицин ухватил его за плечо, заставляя остановиться, и затараторил:

— Да ладно тебе! Ты же у нас вечно нелюдимый, из всей компании только я с тобой и возжусь. С твоей молчаливостью ты небось даже подойти к ней боишься. Хочешь, научу тебя любовные письма писать?

Цяо Инь снова обернулся. Желваки на его лице приметно заходили, он процедил сквозь зубы:

— Сам справлюсь.

И упрямо зашагал вперед.

Картинка во сне резко сменилась. Цзицин держал в руках клочок бумаги. На нем аккуратным почерком, в котором угадывались робость и волнение, было выведено:

«Зелен ворот твой, тоска в душе моей...

Лишь ради тебя храню я верность до сих пор».

А внизу стояла подпись: Цяо Инь.

Пятница, последняя пара. Обычно в это время студенческая аудитория являет собой унылое зрелище: после изнурительной учебной недели все только и думают, как бы побыстрее сбежать домой или хотя бы впасть в блаженную летаргию до выходных. Однако на лекции по генетической селекции микроорганизмов царило противоестественное оживление. Студенты сидели, вытянувшись в струнку, и буквально пожирали глазами стоявшего у кафедры преподавателя. И если у кого-то во взгляде и светилась жажда знаний, то у большинства там читался совсем иной, далекий от науки интерес.

При ближайшем рассмотрении становилось ясно, что большую часть аудитории составляли девушки. Стоило лектору отвернуться к доске, чтобы вывести очередную формулу, как в воздухе то тут, то там девушки тайком поднимали телефоны, пытаясь сфотографировать его красивый профиль.

— Учитель Линь у нас в университете самый красивый, — тихо шептались на задних рядах. — Любой первый красавец кампуса на его фоне поблекнет.

— Ага, только тот красавец давно занят, а про Учителя Линя говорят, что он до сих пор один.

— А сколько ему? Он ведь вроде из наших, местный выпускник?

— Только-только докторскую защитил, двадцать семь всего.

— Господи, какой же он шикарный...

Линь Юй услышал этот шепот. Он едва заметно нахмурился. Развернувшись к аудитории, он безошибочно выцепил взглядом самую говорливую девицу:

— Студентка на третьем ряду. Будьте добры, назовите основные принципы селекции промышленных штаммов.

Девушка мгновенно осеклась. Лицо ее залила краска смущения, она беспомощно застыла на месте, не зная, куда деть руки.

— Если в следующий раз вам захочется поговорить на моей лекции, потрудитесь сначала усвоить пройденный материал, — холодно отрезал Линь Юй. — Садитесь.

Он повернулся к доске и размашистым почерком вывел правильный ответ.

«Учитель Линь, конечно, нереальный красавчик, — пронеслось в головах притихших студенток, — но какой же он пугающе строгий, когда сердится».

Е Минчэнь, сидевший на самой задней парте, невольно усмехнулся.

«Образец добродетели, строгий наставник, великий ученый и невероятный талант, — подумал он. — Эти громкие слова действительно подходят самому популярному преподавателю нашего университета».

Е Минчэнь ожидал увидеть сорокалетнего зануду в потертом пиджаке — именно так обычно выглядели те, кого превозносил его дед. А тут — молодой, подтянутый и привлекательный мужчина. Вот только эта маска ледяного равнодушия делала его пресным до тошноты.

Усмехнувшись своим мыслям, Е Минчэнь склонился над тетрадью и принялся быстро конспектировать.

Как только раздался звонок, возвещающий об окончании пары, Линь Юй оборвал фразу на полуслове. Он аккуратно положил мелок на подставку, стряхнул пыль с ладоней и, не задерживаясь ни секунды, вышел из аудитории.

Е Минчэнь не спеша собрал свои вещи, закинул рюкзак на одно плечо и, сунув руку в карман джинсов, ленивой походкой побрел к выходу. Спустившись во внутренний двор, он краем глаза заметил, как мимо промчалась ярко-красная «БМВ». За рулем сидел Линь Юй.

Е Минчэнь удивленно приподнял бровь и коснулся пальцами губ.

«Я-то думал, он признает только строгие черные седаны отечественной марки, — размышлял он, глядя вслед удаляющейся машине. — А он гоняет на ярко-красном немецком спорткаре».

Цзицин резко распахнул глаза. Сердце колотилось в ребра, лоб покрыла испарина. Он шумно выдохнул, потер виски и взглянул на часы. Полседьмого вечера. Кошмары прошлого не отпускали даже на другом конце света.

Он поднялся, налил себе стакан холодной воды и осушил его в несколько глотков. Внутри немного улеглось. Вспомнив о предстоящей встрече с друзьями, Цзицин вздохнул и направился в ванную.

Горячие струи ударили по плечам, смывая остатки липкого сна и тупую тоску, засевшую где-то под сердцем. Он подставил лицо под воду, позволяя ей стекать по телу. Дышалось тяжело, но этот ритмичный шум возвращал его к реальности — красивой, холодной и абсолютно пустой.

Когда он оделся и вышел на улицу, стрелки часов уже приближались к семи. Пора было выдвигаться. Своих старых приятелей, какими бы невыносимыми они ни были, навестить все же стоило.

Поймав такси, Цзицин быстро добрался до клуба «Черное и Белое». Едва он переступил порог, как к нему подошел вышколенный официант с подносом, на котором россыпью лежали изящные цветочные бутоньерки.

Заведение это было известным гей-баром. В студенческие годы их компания частенько зависала здесь. Не то чтобы все они поголовно предпочитали парней, просто клуб находился под боком у кампуса, интерьер радовал глаз, а публика вела себя прилично.

Цветы на подносе служили безмолвным кодом для посвященных. Черная роза выдавала Тоба, белая — Боттома, а прочие цветы намекали на универсальность предпочтений. Место крепления бутоньерки тоже имело значение: на левой стороне груди носили те, кто искал серьезных отношений, на правой — любители секса на одну ночь. Приколотый на левый лацкан цветок означал, что гость уже занят, а на правый — что человек заглянул просто выпить и не настроен на знакомства.

Цзицин вытянул из кучи веточку фиолетовой фиалки и небрежно приколот ее на правый лацкан пиджака. Окинув полутемный зал взглядом, он уверенно зашагал к дальнему столику в глубине заведения.

Линь Юй и Му Фэйфань уже были там. Заметив Цзицина, Линь Юй лениво взмахнул рукой. Сидевший рядом с Фэйфанем Цзян Му при виде вошедшего соперника демонстративно приобнял своего партнера за талию и притянул к себе.

Цзицин скользнул взглядом по их лацканам. У обоих на левой стороне красовались алые розы. Он издевательски усмехнулся. Какая трогательная верность.

Линь Юй в полумраке бара ничем не напоминал того строгого преподавателя, который пару часов назад читал лекцию студентам. Верхние пуговицы его рубашки были небрежно

расстегнуты, обнажая точеную шею и ключицы, обычно безупречная прическа казалась художественно взъерошенной. Он сидел, закинув ногу на ногу, лениво попыхивал сигаретой и щурился на вошедшего друга.

— И чего тебе в твоей Австралии не сиделось, а, Цзицин? — Линь Юй выпустил струйку сизого дыма и усмехнулся с привычным самодовольством.

— В гостях хорошо, а дома лучше. Не прижился я там, — Цзицин опустил в свободное кресло и с прищуром посмотрел на Линь Юя. — А ты, Линь-да, я гляжу, совсем не рад моему возвращению? Боишься, что отниму твой кусок хлеба на кафедре?

— Я боюсь, что ты мое внимание красть будешь, — фыркнул тот, туша сигарету в пепельнице, и сделал небольшой глоток из своего бокала.

— Да брось. Кто в нашем Институте микробиологии не знает великого и неотразимого Линь-да? Куда уж мне, скромному репатрианту, тягаться с твоей славой первого ловеласа, — Цзицин откинулся на спинку дивана, лениво покачивая бокал с красным вином.

— Ну, знаешь ли, на вершине всегда одиноко, — притворно вздохнул Линь Юй. — Так что я даже рад. Пусть эти восторженные девицы переключатся на тебя. Хоть вздохну спокойно.

— Девчонки меня мало интересуют. Это ты у нас мастер вешать лапшу на уши невинным студенткам, а я бы лучше присмотрелся к какому-нибудь смазливому молодому парню, — Цзицин бросил мимолетный взгляд на притихших голубков напротив. — Вот наш Фэйфань, например, знает толк в настоящем удовольствии.

— Пощадите, старшие братья! — поспешно замахал руками Фэйфань. — Всем ведь известно: если разделить все любовные похождения нашего университета на десять частей, то Старшему соученику Линю достанется пять, тебе, Цзицин — четыре, а мне с остальным кампусом едва ли перепадет одна на всех.

— Раз уж мы оба ходим под началом старика Яна, надеюсь на твое покровительство в будущем, Старший соученик Гу. За твое возвращение! — Цзян Му налил полный бокал вина и осушил его до дна.

Цзицин снисходительно хмыкнул, наполнил свой бокал до полна и выпил его, не отрывая взгляда от парня.

— Чем могу помочь, господин? — вежливо склонился подошедший официант.

— Бутылку ХО, — небрежно бросил Цзицин.

Когда коньяк принесли, Цзицин неторопливо плеснул янтарной жидкости в бокал Цзян Му,

затем наполнил свой и произнес с вкрадчивой улыбкой:

— Ты слишком учтив, младший соученик Цзян. Позволь теперь мне высказать тебе признательность. Спасибо, что так преданно заботишься о нашем Фэйфане. За тебя.

От этих слов Цзян Му едва не перекошило. В них сквозило такое снисходительное превосходство, что кулаки сами собой сжимались. Он молча хлопнул рюмку, тут же налил новую порцию себе и противнику и снова поднял бокал, идя на таран.

Поняв, что дело принимает оборот нешуточной дуэли, Фэйфань занервничал и дернулся было разнять их, но Линь Юй перехватил его за запястье и удержал на месте.

— Не лезь к ним, — произнес Старший соученик Линь. — Мужикам надо выпить вместе, чтобы притереться друг к другу. — Он скользнул взглядом по циферблату наручных часов и недовольно проворчал себе под нос: — И где этого оболтуса Сяо Хэ черти носят?

Фэйфаню оставалось лишь беспомощно наблюдать за тем, как коньяк исчезает в их глотках со скоростью обычной воды. Сердце у него уходило в пятки при каждом новом тосте. Вскоре бутылка элитного алкоголя опустела. В ход пошел виски, за ним последовала водка...

Когда вконец захмелевший Цзян Му безвольно сполз по дивану, Цзицин все так же невозмутимо сидел на своем месте. На его лице не было ни тени опьянения — лишь все та же высокомерная ухмылка.

— Мелкий, я глушил этот спирт килолитрами, когда ты еще пешком под стол ходил. И с такими смешными силенками ты решил тягаться со мной?

— Всё, допился герой. Я повезу его домой, — Фэйфань сокрушенно покачал головой и с трудом взвалил обмякшее тело парня себе на плечо.

— Фэйфань, а как же я? Я ведь тоже в стельку. Отвези меня домой, а? — Цзицин покачнулся, подался вперед и приобнял Фэйфаня за свободное плечо, заглядывая ему в глаза с пьяной, заигрывающей улыбкой.

— Да по тебе пахать можно! Ты еще одну бутылку уговоришь и даже не почешешься. К тому же тебя вполне может проводить Старший соученик Линь. С меня хватит одного младенца на сегодня, — Фэйфань лишь сердито нахмурился и потащил храпящего Цзян Му к выходу.

— Да я правда пьян... Совсем ты меня не ценишь, Сяо Фэйфань. Неужели не видишь, что у этого похотливого животного Линя фиалка красуется на правой стороне? Ему явно не до спасения пьяных друзей сегодня, — Цзицин обиженно пробормотал вслед уходящему другу.

— Ну почему же? Я с огромным удовольствием доставлю тебя до постели. Заодно проверим,

чему тебя там научили в этой твоей Австралии. Я, знаешь ли, безумно скучал по тебе эти два года, дорогой младший соученик... — Линь Юй хищно усмехнулся, придвинулся вплотную, закинул руку Цзицину на плечо и жарко выдохнул ему прямо в ухо.

— Учитель Линь?.. — раздался удивленный, полный сомнения и узнавания голос за их спинами.

<http://bllate.org/book/20530/2113046>